

ТАТЬЯНА
МИТКОВА:

ИНФОРМАЦИЯ — ЛЮБОВЬ МОЯ

В телекомпании НТВ мне все так понравилось, что не хотелось уходить. Понравилось отсутствие слоняющихся и курящих, и то, что народу по коридорам не очень много, все заняты, и даже кофе пьют, продолжая работать. Притом нервозности не ощущается. На стене, среди графиков, висел «Список оправданий» из восьми пунктов: от «телефон был занят» до «во всем виновата техника». В целях экономии времени предлагалось оправдываться просто по номерам. Татьяна Миткова вписывалась в эту атмосферу, как точно подошедший элемент мозаики. Один из центральных, хотя и не единственный. Ее эмоциональность и даже восторженность вполне уживались с рациональностью и четкостью. Она сразу обозначила границы, за которые журналисту не следовало совать нос.

Известия. — 1994. — 2 сент. — С. 10

— Я предпочитаю разговаривать с журналистами из провинции. Их бесхитростные вопросы не ориентированы на выяснение политических пристрастий, отношений с бывшими коллегами из «Останкино», от которых мы ушли в НТВ. Ненавижу такие интервью! Уход в другую компанию — не скандал. Это нормальный процесс.

— И все же, перемена места работы любимых ведущих — всегда маленькая сенсация.

— В уважаемых мною «Известиях» прокомментировали интервью с Флярковским и Гурновым. Честно говоря, мне обидно было читать. Говорилось, что они, уехав на зарубежные корпункты, потеряли творческое лицо, отказались от влияния на политику. Но если ведущий программы новостей влияет на политику, это уже не новости. Наша задача — дать факты абсолютно нейтрально.

— Слово не бывает абсолютно нейтральным.

— Согласна. Тут очень тонкая грань. Нужно пройти как можно осторожнее. Не навреди. Последствия могут быть ужасны. Я отрицаю значение ведущего как человека, оказывающего влияние на политику. Если влияет — надо менять профессию. Делать аналитические или публицистические программы.

— Но как раз те, кого вы упомянули, не скрывали в «Вестях» своего отношения к происходящему.

— Время было такое. Этим надо было переболеть.

— Поступая на факультет журналистики, чем вы хотели заниматься в будущем?

— Телевидением в сфере международной информации. Этот мир в начале восьмидесятых был закрыт для нас. Я еще в школе взахлеб читала газеты. Слово «журналист» было для меня священным.

— Когда впервые вышли в эфир, горло не перехватывало?

— И теперь перехватывает. Но на лице ничего не должно отражаться. На работе нельзя держать в голове никаких домашних проблем. Никому нет дела, что с тобой происходит. Но прямой эфир притягателен. Выступая, каждый раз испытываешь себя на прочность. И это становится необходимостью. Сейчас в НТВ период отпусков. И знаете, какие разговоры? «А что мы будем делать целый месяц?» Кому-то это покажется полным бредом.

— Отдыхать не умеете? Разве не хо-

чется вытянуться на траве, ни о чем не думать?

— Вытянуться хорошо. Но долго это продолжаться не может. Люди, работающие в прямом эфире, входят в особое состояние. Иногда какой-то кусочек передачи можно бы записать заранее, чтобы легче потом было. Но все мы — и режиссеры, и авторы — категорически против всяких записей: другое настроение, другой ритм.

— Можно сравнить вашу работу на ТСН с романом, а сегодняшнюю — с законным браком?

— Очень похоже! Но о такой семейной любви можно только мечтать! Это ощущение внутренней гармонии с окружающей жизнью, с тем, что делаешь.

— Может ли быть эволюция у ведущего?

— Эволюция — только вместе с программой. Мне обидно, что никто не отмечает, как день ото дня меняется репортерский уровень. Телекритики крутятся вокруг одних и тех же имен. В рейтинге не отмечается эксклюзивность репортажей — ни наших, ни «Вестей», ни первого канала. А у нас такие талантливые ребята собрались! Хотя многие — совсем еще дети...

— Вы читаете телекритику?

— Гораздо меньше, чем раньше. Есть несколько авторов, которых читаю независимо от того, ругают они наш канал или хвалят. Но, к сожалению, мне кажется, что кризис телевидения совпал с кризисом телекритики.

Когда я читаю в рейтинге, что такого-то числа программа «Сегодня» была удачной, мне, честно говоря, становится смешно. Программа полностью зависит от жизни, от событий. К новостям нельзя относиться, как к художественному произведению.

— Какие передачи вам нравятся, какие раздражают?

— Те, что раздражают, не смотрю. Не трачу время... Стараюсь не пропускать «Итоги» — равной программы нет ни на одном из каналов. Обязательно смотрю и записываю — но это бывает редко — концерты Лучано Паваротти. И еще, колоссальное удовольствие от передачи «Пока все дома» с Тимуром Кизяковым. Единственная семейная программа. У нас на экране всего хватает — политики, эротика, криминала. Но о семье, о детях — почти ничего. А это самое главное в жизни женщины. И если что-то не так... Вот мой сын никак не может дочитать третий том детской энциклопедии. Это безобразие. Мне кажется, я

в девять лет больше знала и успевала.

— Популярность меняет человека. Вы на себе замечаете эти перемены?

— Мне стало легче вступить в контакт, получить информацию, взять интервью. Я прежде была стеснительной. Появилась другая степень профессиональной свободы. Но не люблю, когда на меня обращают внимание. Чувствую себя незащищенной. Моя свобода сейчас ограничена, и довольно здорово. Избегаю появлений в общественных местах. Про магазины уже и не говорю. Раньше, когда были очереди, продавщица могла закричать: «Танечка, что ты там встала в конце? Иди сюда!» Вот уж тут выбегаешь без оглядки — ведь передо мной бабушки стоят! Ужас! Ужас! Муж со мной ругался, ругался, а потом понял, что ему не избежать хождения по магазинам.

— Зрители в любви признаются?

— Пишут... звонят...

— Это приятно или утомительно?

— Скажем так: я это понимаю. Принимаю.

— А растущее благосостояние добавляет ощущение свободы?

— Безусловно. И ощущение меньшей зависимости от красной даты в календаре, сознание того, что за свой труд получаешь адекватное вознаграждение. Я знаю, сколько в журналистской среде профессиональных драм на этой почве, когда люди не имеют возможности содержать семью и превращают свою профессию в ту самую... вторую древнейшую.

— Деньги делают жизнь комфортнее. Есть ли предел, когда этого комфорта достаточно?

— Не знаю, еще не думала об этом. У меня никогда не было цели запастись на черный день, не было сберкижки. Так сложилось. Отец — военный, мама — домохозяйка... Мне нужно, чтобы вот сегодня моим близким было уютно и хорошо. Лекарства, хороший сок ребенку. Есть дача. Шесть соток. Грядочки, в которых надо покопаться. Редиска там и все такое. Я это обожаю. Сын помогает сорняки выпалывать. Это — отдых. Но перчатки — обязательно, чтобы руки были в порядке. У меня пианино, очень хорошее, с клавиатурой рояля. Я училась музыке у великолепного педагога, со-

биралась поступать в музыкальное училище. Это лучшие годы моей жизни. Но потом как-то дошло: нужно быть либо очень хорошим музыкантом, либо просто играть для себя. Музыка стабилизирует эмоциональный мир. Переводит в другое состояние. При этом я могу думать о весьма серьезных проблемах.

— А что вы делаете на неделе, когда в эфире Осокин?

— Летучка, прикидки на будущую неделю. Намечаем командировки. А дома смотрю все выпуски новостей, читаю газеты, делаю выписки.

— Расслабления в свободную неделю не получается?

— Получается. Это же не жертва — читать газеты в выходной. То, что было насилием над собой, — в прошлом. Цензура — вот страшное насилие. Когда в 91-м году ее снова ввели, каждый день заканчивался слезами. Теперь все позади, слава тебе, Господи!

— Какие черты вашего характера вам помогают, а какие мешают?

— Помогает организованность, доброжелательность. Мешает эмоциональность. Вот расстраиваюсь, что ребенок бабушке нагрубил. Вроде бы разговариваешь с ним — все понимает, а стоит ситуацию отпустить... так что надо искать решение.

— Конструктивный вы человек.

— Ничего нельзя пускать на самотек. Ко всему надо приложить усилия.

— Вы верите в судьбу, в везение?

— В мистическом смысле — нет. В цепочку логических закономерностей — верю. И в то, что не бывает безвыходных ситуаций.

— Давно у меня не было такого оптимистического разговора.

— У меня, говорят, поле хорошее. Зла не делаю... Вот еще и в биополя я верю.

— Никто не желает зла, но откуда оно берется?

— Не умеет человек сказать ближнему доброе слово, и вся его энергия оборачивается во зло.

— А как же быть с теми трагическими событиями, о которых вы сообщаете с экрана?

— Жизнь не отменяет драм и трагедий. Но информация не должна оставлять чувство безысходности. У нас был период упоения новостями, несущими отрицательную информацию. Но каждое слово — я уверена — материально. В наших силах уменьшить по возможности этот отрицательный заряд... Есть журналисты, которые рассказывают о кино, о театре. А есть и другие, которые просто сообщают новости.

Маша ТОПАЗ

